

АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

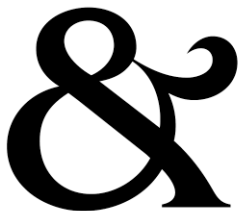

**Читайте романы
Екатерины ЛЕСИНОЙ
в серии «Артефакт & Детектив»:**

Маска короля
Рубиновое сердце богини
Кольцо князя-оборотня
Проклятие двух Мадонн
Крест мертвых богов
Готический ангел
Медальон льва и солнца
Улыбка золотого бога
Хризантема императрицы
Черная книга русалки
Плеть темной богини
Неизвестная сказка Андерсена
Ошейник Жеводанского зверя
Слезы Магдалины
Счастливый доллар
Вечная молодость графини
Браслет из города ацтеков
Фотограф смерти
Райские птицы из прошлого века
Алмазы Джека Потрошителя
Серп языческой богини
Дельфийский оракул
Бабочка маркизы Помпадур
Кольцо златовласой ведьмы
Музыкальная шкатулка Анны Монс

АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

Екатерина ЛЕСИНА

**Музыкальная
шкатулка
Анны Монс**

ЭКМО
МОСКВА
2014

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Л 50

Оформление серии *С. Курбатова*

Лесина Е.

Л 50 Музыкальная шкатулка Анны Монс : роман / Екатерина Лесина. — М. : Эксмо, 2014. — 352 с. — (Артефакт & Детектив).

ISBN 978-5-699-70173-5

Старинная музыкальная шкатулка, сделанная, по преданию, царем Петром I для Анны Монс, послужила залогом любви и подарком к несостоявшейся свадьбе. Простая безделушка на долгие годы связала двух людей, разительно не похожих друг на друга... Спустя несколько веков стоимость шкатулки значительно увеличилась. С появлением нового начальника в жизни секретарши Ксюши многое переменялось. Ее уволили, ей угрожали, требуя вернуть украденное, хотя она ничего не брала, в ее квартире устроили погром. А коллегу, красавчика Стаса, и вовсе убили. Тот, кто это сделал, не собирается упустить Ксюшу из виду. Если девушка хочет выжить, ей придется найти старинную музыкальную шкатулку, которую требуют недоброжелатели, а заодно и распутать клубок чужих тайн. Благо начальник снова принял ее на работу и даже вызвался помочь...

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Лесина Е., 2014
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

ISBN 978-5-699-70173-5

Анна Монс — иноземка, дочь виноторговца — девушка, из любви к которой Пётр особенно усердно поворачивал старую Русь лицом к Западу, и поворачивал так круто, что Россия доселе остаётся немножко кривошейкою.

*(Д. Л. Мордовцев.
«Идеалисты и реалисты», 1878)*

Нового шефа первой увидела Эллочка. Она выбегала курить и еще — общаться, причем Ксюша предполагала, что скорее общаться, нежели курить, поскольку так не накуришься. К этому Эллочкиному недостатку все относились со снисхождением.

Но, как бы там ни было, очередной ее перекур был прерван самым неприятным образом. Эллочка как раз позвонила Наташеньке, которой она обещала рассказать про Мариночкино свидание, устроенное с легкой Наташенькиной руки, потому что у самой Мариночки что-то устроить с ее личной жизнью... как-то ничего не получалось. И только-только она в разговоре дошла до самого свидания, как увидела шефа... в тот момент она еще не знала, что вот этот мрачный тип в дешевом костюме, который еще и сидел на фигуре преотвратно, — ее будущий начальник, но лишь восхитилась цветом галстука — он был ярко-малиновый, разукрашенный коронами, и с крупной булавкой под золото.

— Вам чего? — спросила Эллочка, замороженная насыщенный цветом камня в булавке. Стеклашка, имитировавшая рубин, отливала грозной краснотой.

Эллочка еще подумала, что клиент нынче совсем уж безумный пошел. Куда только его жена смотрит? Потом она привычно мазнула взглядом по его рукам и убедилась, что обручальное кольцо отсутствует. Успела прикинуть: насколько отсутствие этого кольца является реальным свидетельством отсутствия в паспорте штампа, а сам клиент — насколько перспективным является объектом?..

— Мне бы в «Сафину плюс» попасть, — миролюбиво произнес клиент густым басом, от которого у Элочки в груди прямо все оборвалось.

Вот странно на нее действовали мужские голоса!

Она подняла взгляд, удивляясь тому, что рубашка, в отличие от костюмчика, была явно неплохого качества, и уперлась глазами в квадратный подбородок. Без щетины. Жаль, щетина — это сексуально, так считали все Элочкины подруги, и она тоже придерживалась этой точки зрения, единственно, уточняя, что сексуальность эта — сугубо зрительная. Трогать колючие щеки — фи...

Губы были некрасивые, узкие.

И шрам на щеке.

А нос — сломанный и налево повернут, приплюснут как-то, будто его по лицу размазали.

— Хотите, я вас провожу? — предложила Эллочка, раздумывая, насколько сильно этот нос уродует незнакомого ей типа. — Тут коридоры очень странные.

— Хочу.

Глаза у него были цвета жареного миндаля. Только вот невыразительные совсем. Маленькие и близко к переносице посаженные.

Все-таки не ее типаж. А жаль, голос-то Эллочке понравился.

Она быстро распрощалась с Наташкой, решив, что

клиент в любом случае пользу принесет, не на личном фронте, так хоть на служебном, и, улыбнувшись самой очаровательной из своего профессионального набора улыбок, сказала:

— Тогда прошу вас следовать за мной.

Ходила Эллочка красиво. Она вообще собиралась стать моделью, но выяснилось, что выдающиеся формы — это вовсе не то, что нужно для штурма подиума. А в конторе вовсе не так и плохо работать. Скука, конечно, смертная, но зато и деньги платят, и люди интересные, и Стасик под боком...

— Девушка...

— Элла, — Эллочка предпочитала, чтобы к ней обращались по имени, это помогало ей устанавливать «доверительные связи», о которых им рассказывали на тренинге.

— Элла... а я — Игнат Алексеевич.

Старомодный, значит. Давно уже никто не именуется друг друга по имени и отчеству. В моде теперь западная манера обращения; ну, если клиенту так хочется, то ей все равно.

— Так вот, Элла, я хотел спросить: вы кем работаете?

— Консультантом.

Игнат Алексеевич хмыкнул. Как-то нехорошо хмыкнул. Презрительно, что ли? Ну да, Эллочке случалось сталкиваться с мужским пренебрежением. Конечно: ну что блондинка — натуральная, кстати! — может понимать в сложном мире юридических услуг?

А у Элочки образование высшее!

И вообще: почему, если ты блондинка, то сразу — дура?

— И много у вас там... таких консультантов? — поинтересовался Игнат Алексеевич престранным тоном.

— Трое.

— Кроме вас?

— Да.

Вообще-то Эллочка была помощником консультанта,

и работа ее заключалась скорее в том, чтобы клиента встретить, предложить ему чай или кофе, занять беседой и вообще настроить его на благодушный лад. И опыт подсказывал ей, что мужчина, идущий рядом с ней, — обычно они предпочитали немного отстать, чтобы полюбоваться Эллочкиной походкой, — как раз из тех, трудных клиентов.

Ничего. Управятся!

Эллочка уже решила, что упрямого Игната Алексеевича, столь равнодушного к женской красоте, ей следует перепоручить Димочке. Тот тоже зануда, так что язык общий они найдут...

Но вот их путешествие закончилось.

— И что, все клиенты вот так у вас ходят? — очередной странный вопрос заставил Эллочку вздрогнуть. Ну откуда такое любопытство?

— Нет, — она повернулась. — Что вы! Обычно к нам попадают через холл. Там имеется лифт, надо лишь подняться... А вы, наверное, с черного хода вошли...

Здание было новым и, по Эллочкиному мнению, построенным специально для того, чтобы над людьми позиздеваться. Лабиринт на четыре этажа, в котором без привычки заплутать легче легкого. И хорошо еще, что «Сафина плюс» на четвертом этаже располагается, под самой крышей, потому что, попав однажды на третий, Эллочка полчаса блуждала по пустым коридорам, которые ветвились бесконечно и ровно через одно ответвление заканчивались тупиками.

— Прошу вас... — она открыла дверь, пропуская Игната Алексеевича.

Обычно мужчины торопились Эллочке услужить, а этот — ничего, принял как должное. Слон равнодушный! Нет, определенно, не ее типаж. И стрижка ужасная. Сбривает волосы почти под ноль, не учитывая, что форма черепа у него отнюдь не идеальна. Уши опять же торчат...

Правда, Маринка утверждала, что лопоухие мужчины... гм... особой страстностью отличаются, но проверять это утверждение Эллочке совершенно не хотелось.

А Игнат Алексеевич вошел, остановился посреди комнаты, которую сотрудники между собой именовали «залой», — комната была большой, нелепой, с диваном, — и сказал:

— Здравствуйте.

Ксюша как раз сражалась с кулером. С техникой она ладила, более того, техника Ксюшу любила и сбоила редко, а вот с кулером у нее шла давняя война. Не работал он — и все тут.

Краем глаза она уловила движение.

Стасик поднялся с дивана, на котором он возлежал, устроив себе законный пятнадцатиминутный перерыв. Все знали, что в это время Стасика лучше не трогать — голова у него золотая, а характер — сволочной. Кричать, конечно, он не станет, но долго будет вспоминать о том трагическом дне, когда...

Димочка, занятый очередным отчетом, вдруг бумагу отложил — диво дивное, его с бумагами разлучить просто нереально! А Виктория Павловна, главный бухгалтер, прервала чаепитие и беседу с дочкой, которой как раз рассказывала, как правильно выбрать ананас...

В общем, странно все это выглядело.

И эта странность придала Ксюше сил. Тугой насос вдруг поддался. Из крана брызнула вода, и, естественно, мимо стакана.

Прямо на новые Ксюшины туфельки. Замшевые...

От огорчения и неожиданности, от коварства такого Ксюша выругалась. Громко. Душевно. И потом только обернулась... ну вот, вечно с ней что-то не то приключается!

Посреди залы стоял незнакомый тип в коричневом пиджаке скверного пошива и разглядывал Ксюшу с таким брезгливо-презрительным видом, что ей тотчас захотелось швырнуть в него стаканчиком. Но Ксюша умела бороться с собственными желаниями и, глубоко вдохнув, велела себе успокоиться.

— Соберите всех, — приказал тип.

Был он среднего роста, но в плечах — широк. Про таких Ксюшин папа говорил, что они и небосвод удержат. Возможно, типу и приходилось его удерживать, иначе откуда такая мрачность во взгляде?

Прямо-таки Ксюшу прощупал насквозь!

И туфельки ее светло-салатовые, водяными пятнами украшенные. И платице — весеннего ярко-зеленого цвета, с кокетливыми рукавами-буф и завышенной талией. И волосы рыжие, в два хвостика собранные. И ожерелье из крупных камней, и браслетики, и фенечки, и даже чехол для мобильного, сделанный в виде мягкой черепашки.

И чем дольше тип смотрел, тем неудобнее становилось Ксюше.

Ужас, что за люди нынче пошли!

— Простите, — подала голос Эллочка, но ее медовым тоном не следовало бы обманываться: Эллочка умела ставить на место всяких неприятных клиентов. — Но зачем?

Тип вздохнул, поставил на стол, прямо на Димочкины драгоценные бумаги, замызганный портфель и объявил:

— Затем, что здесь давно пора порядок навести.

Порядок в конторе был, только... слегка беспорядочный.

— Звать меня Игнат Алексеевич. И я — ваш новый начальник...

Нет, слухи, конечно, ходили, что Алексей Петрович собирается оставить контору, он ведь уже немолод. И вообще, болеет часто, и снова вот заболел, но чтобы резко так... и без предупреждения...

Обидно!

Его ведь любили... и в больнице навещали, не потому, что выслужиться хотели, — в конторе все давным-давно были на своих местах, — а просто чтобы приятное ему сделать. И Ксюша заказывала цветы, а Эллочка журналы для него подбирала. И строгая Виктория Павловна готовила паровые куриные котлетки... а он взял и нового начальника прислал!

Нет, отчитываться перед сотрудниками Алексей Петрович не обязан, но все равно обидно.

Мог хотя бы позвонить... намекнуть.

Собрать всех было несложно. Селектор. Для Вареньки из бухгалтерии — сообщение в чатике. Для Акулины из логистов — SMS. Лешенька, курьер, в отъезде... и еще, Олега надо поймать, он вечно на черной лестнице прячется, когда думает и не желает, чтобы ему мешали.

Семь минут — и все в сборе.

За эти семь минут Игнат Алексеевич избавился от пиджака, ослабил узел своего ужасного галстука и осмотрелся. Увиденное ему определенно не понравилось.

— Еще раз добрый день, — голос у него был громкий, выразительный. — К сожалению, здоровье моего отца ухудшилось...

...То есть Алексей Петрович ему отцом приходится? И совсем они не похожи. Алексей Петрович — высокий, худой, изящный, а главное, что есть в нем нечто аристократичное. Этот же похож на борца. Или грузчика.

— ...и он вынужден был передать управление конторой мне.

Интересно, надолго ли?

Игнат Алексеевич, словно услышав этот невысказанный вопрос, приподнял бровь и смерил Ксюшу презрительным взглядом:

— Боюсь, что навсегда.

Ужас. Совсем-совсем ужас! Не тот, который кошмар или катастрофа, но все равно ничего хорошего.

— В связи с этим я проведу ряд... изменений. Начнем с неприятного. Как вас зовут? — и он уставился на Ксюшу.

— Ксюша.

— Оксана, значит.

Вот не любила Ксюша, когда ее Оксаной называли. И когда смотрели на нее так, с прищуром! Еще и брови насупил, наверное, для пущей грозности.

— Вы кем здесь трудитесь?

— Секретарем...

— Оксана, вы уволены.

Охнула, схватившись за сердце, Виктория Павловна. Эллочка смерила нового шефа оценивающим взглядом, и Ксюше даже жаль его стало... а Стас, машинально потиравший виски, тряхнул головой и пробормотал:

— Это ни в какие ворота...

— Вы свободны, — с нажимом повторил Игнат Алексеевич.

— Прямо сейчас?

— Да.

— А дела передать...

— Без вас разберутся. Расчет получите в бухгалтерии.

— А вещи мои?

— Забирайте и... — не договорил, махнул на дверь и спиной к ней повернулся. Вот хам...

Вещи Ксюша сложила в плетеную корзинку для пикника. Корзинка эта — мамин подарок — оказалась в Ксюшиной приемной еще в прошлом году, уж больно была удобной, а вот теперь, выходит... Ксюша часто заморгала, отгоняя обиду прочь.

Ну, уволили, что теперь, вешаться с тоски?

Да ей самой не больно-то хотелось оставаться... Алексей Петрович — дело другое, с ним работать приятно, он

всегда вежливый, внимательный, сдержанный... а этот — жуть жуткая.

В корзинку отправились подставка для ручек и любимая кружка, которую сестрица расписывала, и блюдо, тоже с росписью, но из другого набора. Степлер с кроликами. Запасные колготки, балетки, блокнотик...

Фикус уносить нельзя, все-таки формально он — имущество фирмы.

Компьютер Ксюша оставила включенным и, накинув на плечи ярко-желтый плащик, выскользнула из приемной через черный ход. Ну вот, она еще не ушла, а уже беспорядок — дверь в подсобку, где, помимо швабр с тряпками, хранились канцелярские товары, архивы и прочая ценная дребедень, оказалась открыта.

Заглянув в комнатушку, Ксюша убедилась, что там пусто. Пришлось возвращаться — за ключом, и еще раз, чтобы ключ вернуть на место... и, как назло, она столкнулась с этим, с начальничком...

— Еще возитесь? — мрачно поинтересовался он.

— Уже закончила, — ответила Ксюша и быстренько выскочила на лестницу, пока не разревелась у него на глазах. Ну вот глупость же... работу она без труда найдет. Ее сколько раз в другие места приглашали, а Алексей Петрович смеялся, что никому не позволит особо ценного сотрудника украсть.

А теперь вот — уволили.

За что?!

Звонок застал ее, когда Ксюша собиралась уже выехать со стоянки.

— Ксюшенька, — голос она узнала сразу и поспешно подавила обиду: Алексей Петрович не виноват, что у него такой ужасный сын.

— Добрый день, — она постарается говорить с ним вежливо и мягко, чтобы не расстроить больного человека.

— Добрый. Скажи, мой охламон уже появился?

Точно. Охламон!

— Появился.

— И как он?

Ужасно. Отвратительно. Несправедливо!

— Не знаю, — Ксюша поскребла ноготком оплетку. — Сказал, что будут изменения...

— Какие?

— Он меня уволил...

Вот сейчас из-за Ксюши хороший человек расстроится. Надо было промолчать. Или соврать что-нибудь, но, наверное, глупо врать, если все равно Алексей Петрович с сыном поговорит и все сам узнает.

— Идиот, — совершенно спокойно ответил Алексей Петрович. — Ксюшенька, ты на него не обижайся, пожалуйста. Он хороший мальчик...

— ...только вести себя не умеет.

— ...только неуклюжий. Вечно впереди поезда бежать норовит! Скажи, милая, ты уже куда-нибудь звонила?

— Нет.

— Пожалуйста, солнышко мое, не спеши... — Алексей Петрович закашлялся. — Давай будем считать, что ты в отпуске? Конечно, оплачиваемом... до конца месяца. И премию я тебе перечислю. Просто дай этому охламону время. Сам прибежит!

То есть новую работу не искать? Нет, с кем бы другим Ксюша и разговаривать не стала бы, но Алексею Петровичу отказывать неудобно. Тем более что в отпуске Ксюша давно не была... Конечно, из города уезжать не стоит, но хотя бы квартирой надо заняться. А то весна пришла, а у нее окна не вымыты, ковры не выбиты, и вообще, все в шерсти.

Ну не любит Ксюша уборки всякие, что уж тут поделаешь.

— До конца месяца? — еще раз уточнила Ксюша.

Три недели.

— Думаю, он и недели не выдержит, — ей показалось, что Алексей Петрович засмеялся. — Ничего. Ему это полезно. А ты сразу возвращаться не соглашайся... поторгуйся. И вообще, присмотрите там за ним, а то он совсем одичал.

За таким, пожалуй, присмотришь!

Когда Ксюша выезжала со стоянки, ей показалось вдруг, что за нею следят.

Глупость какая... кому это надо — за Ксюшей следить?

Приближение зимы Анна чувствовала задолго до первого снега. Пожалуй, еще с ранней осени, которая порою случалась в достаточной мере теплой, чтобы матушке не приходилось тратиться на дрова, она начинала зябнуть. И жаловалась на холод, преследовавший ее даже под пуховым одеялом.

Почему-то никто, ни отец, вечно занятый делами, озабоченный и хмурый, когда дела эти шли неважно, либо же веселый, если вдруг они ладились, ни матушка, ни брат с сестрой не верили, что Анна и вправду мерзнет.

— Неженка, — говорили ей, и матушка спешила найти работу, потому что благовоспитанной девице не пристало сидеть без дела. Эдак соседи подумают, будто Анна с рождения ленива, вон, и без того они шепчутся, будто встает она поздно, позволяя себе нежиться на перине, ходит медленно, и руки у нее белые, чистые.

В том была своя правда: Господь — милостью особой — наградил Анну кожей нежной, тонкой, будто лепестки нимфеи, что росла в пруду за трактиром. И порою Анна в порыве мечтательности сама себе представлялась цветком, таким хрупким творением Его, призванным единственно усладить людские взоры.

Зимой нимфеи прятались, и каждый год Анна волновалась, переживут ли они морозы.

Эта страна была чужой, неудобной, недружелюбной, что